

ШКОЛА КОНСЕНСУСА И ВОЙНА БОЛЬШИНСТВА

МОДЕСТ КОЛЕРОВ — кандидат исторических наук, управляющий директор информационного агентства REGNUM, действительный государственный советник РФ первого класса
Специально для РЖ

Впервые в российской истории фигура Путина реализовала общенациональный консенсус не в утопии революционных надежд, а в практике устойчивого институционализованного большинства. Но опыт XX века не позволяет этому большинству вновь вручить свой суверенитет без условий.

Условия, поставленные Путину большинством, носят институциональный характер. Большинство следит за продолжением схватки между институтами и субинститутами. Карт-бланш на защиту национальных интересов сопровождается «техническим заданием» на адекватное построение институтов государственной безопасности. Карт-бланш на освобождение социального согласия от экономической, корпоративной или региональной олигархии сопровождается (может быть, утопическим) заданием на ликвидацию самой практики самодостаточных партийно-корпоративных институтов.

Растущая требовательность исходит и от основных идейных противников путинского большинства. Левые, социалистические и коммунистические альтернативы полагают возможным восстановить социальный консенсус утопической справедливости, на деле сводимый к государственной экономической монополии. Либеральные альтернативы в наиболее практических своих изводах не имеют иного сценария,

кроме возвращения к олигархической экономической монополии. Консервативные альтернативы, к несчастью, не формулируют институциональных задач, подспудно выдавая свою претензию на участие в бюрократической политической монополии. Неспособные монополизировать государственно-общественные институты, они тшятся инфицировать своей проповедью институты национального лидерства. Но все это уже вчерашний день.

Бюрократическая монополия в политике и экономике, успешно операционализировав свое доминирование в общественно-государственных институтах, стремительно приближается к новому конфликту с согласием большинства. У этой монополии нет шансов — ни раствориться в частно-общественных интересах, ни продать свою операциональную власть институтам национального лидерства.

Самоспасение большинства в начале 2000-х годов остановило дурной ход национальных самоубийств по общему согласию 1917 и 1991 годов и впервые в России создало институт национального лидерства. Теперь перед этим лидерством стоит столь же «чудесная» задача — укоренить свою консенсуальную власть в компромиссных, конфликтных и одновременно ценностно-осмысленных общественно-государственных институтах. ■

В РОССИИ ЗРЕЮТ БУНТАРСКИЕ НАСТРОЕНИЯ

ВЯЧЕСЛАВ ИГРУНОВ — директор Международного института гуманитарно-политических исследований
Специально для РЖ

Нынешняя политическая система в наибольшей степени соответствует состоянию современного российского общества. Но это не означает, что такое состояние полностью вписывается в российский менталитет. Стиль мышления таких представителей меньшинства, как Гарри Каспаров, Сергей Ковалев, также отстает от представлений о российской ментальности.

Российское общество на протяжении более двухсот лет расколото. **Сегодня в России дремлют антигосударственнические, бунтарские настроения.** Русский человек предпочитает не вмешиваться в дела власти. Даже тогда, когда ему не нравятся ее действия, он, скорее, готов смириться с данностью: «Господь Бог терпел и нам велел». Но в критические моменты начинает работать другая сторона ментальности — бунтарская. Сегодня она постепенно отвоевывает себе пространство в российском сознании. В 1990-е годы Россия стояла на грани развала. Я не был согласен со всем, что делал Владимир Путин для его предотвращения. Но несомненно, что именно его действия остановили распад страны. Однако его усилия не имеют необратимого характера.

Бунт не возникает в любой момент. Для него должны быть серьезные предпосылки. Но вызревает он стремительно. Доста-

точно трех-четырёх лет, чтобы совершенно спокойная страна превратилась в поле гражданской войны. **Что касается бунтарских настроений в России сегодня, то я напрямую их связываю с системой власти — слишком консервативной и нединамичной.** Система власти не создает механизмов для обновления. Дело не в том, что люди во власти совершенно некомпетентны. Наоборот, некоторых из них я высоко ценю как политических деятелей, как организаторов. Многие из них способны достигать значительных целей. Дело в том, что мир постоянно меняется. И то, что сегодня эффективно, завтра таковым уже не является. Ведь те, кто правит, обладают ограниченным набором идей и не могут существенно расширить свой горизонт. А сегодня такое расширение необходимо. **Утрата управляемости уже чувствуется.** Власть не контролирует события, часто принимает некомпетентные решения. **Угроза потери контроля над страной приобретает реальные очертания.**

Многие акцентируют свое внимание на противоречиях между Путиным и Медведевым. Угроза конфликта между первыми лицами вполне возможна, но она ничтожна по сравнению с угрозой, которая возникает от общей неспособности власти к динамическому развитию. ■